

Аннотация

Статья посвящена анализу символа как средства выражения экспрессивности украинского фольклорного дискурса. Выяснена семантика песенных символов, определено их эмоционально-экспрессивную роль.

Ключевые слова: символ, экспрессема, образная символика, средства языковой экспрессии, стилистическая роль, стилистема.

Summary

The article is devoted to the analysis of symbol as the mean of expression of expressivity of Ukrainian folklore discourse. Semantics of songs symbols is found out, defined their emotional-expressive role.

Keywords: symbol, expressivity, vivid symbolism, means of linguistic expression, stylistic role, stylistic figure.

УДК 821.161.81'42

Колотева И.В.,
преподаватель,

Харьковский гуманитарно-педагогический институт

ЯЗЫКОВЫЕ СРЕДСТВА ОТРАЖЕНИЯ СОЦИАЛЬНОГО ВРЕМЯ-ПРОСТРАНСТВА В ХРОНОТОПЕ РУССКОЙ ПОЭЗИИ (ОТ А. ФЕТА К ПОЭТАМ 60-Х ГОДОВ XX ВЕКА)

Пространство и время – параметры существования мира и основополагающие формы человеческого опыта – являются важными объектами современных лингвистических и междисциплинарных исследований (см., например, [Бахтин 1975, Лихачев 1979, Лотман 1988, Соколов 2002, Папина 2002, Панова 2003] и др.). Понимание роли пространства и времени в познании окружающей действительности и его рефлексия в языке состоит в том, что этот феномен выступает креативным механизмом, позволяющим понять целостный образ восприятия мира не только автора, его героя, но и окружающий социум, так как приметы времени “раскрываются в пространстве, и пространство осмысливается и измеряется временем” [Бахтин 1975, 235]. Под пространством социального времени мы, вслед за А.В. Соколовым, подразумеваем “интуитивное ощущение течения социальной жизни, переживаемое современниками, зависящее от интенсивности социальных изменений и движения смыслов, которые представляют собой знания, умения, стимулы, эмоции” [Соколов 2002, 278].

Целью нашей статьи есть исследование эволюции языковых тенденций и средств отражения социального время-пространства в русской поэзии периода от А. Фета к поэтам 60-х годов XX века.

Функций времени и пространства в поэтических произведениях XIX века, по наблюдению исследователей, в основном были направлены на постижение соответствия художественного времени и художественного пространства реальному времени и реальному пространству как одному из важнейших факторов

реалистической литературы вообще. Категория времени оставалась наиболее стабильной в поэтической речи того периода, в поэзии XIX века почти не наблюдалось темпоральных аномалий [Зубова 2001, 95–104]. Лингвистическое время развивалось в рамках грамматического (настоящее-прошлое-настоящее), источниками экспрессии при этом служили сама семантика форм времени и их сочетаемость.

На рубеже XIX–XX веков интеграция знаний об окружающей действительности и внутреннем мире человека приводит к усложнению представлений о времени и пространстве. Становится ясно, что старая линейная конструкция, лежащая в основе классического текста, тесно увязанная с причинно-следственными связями, не справляется с описанием новой, более сложной реальности.

Интересно в этом плане творчество А. Фета, предсказывающее во многом новые тенденции использования грамматических средств в поэтической речи [Николина 2001, 53]. Так, в стихотворении “Теперь” автор, сдвигая временную ось, тем самым нарушает линейность классического повествования: связующий действительный центр, выраженный лексическим конкретизатором настоящего – наречием *теперь*, устраняет различия между настоящим и будущим, объединяет их во вневременность:

*Вневременной поведем жизнью оба,
И ты и я – мы встретимся – теперь!*

Знаковыми являются и четыре безглагольных стихотворения А. Фета – “Чудная картина...”, “Это утро, радость эта...”, “Шепот, робкое дыханье...”, “Только в мире и есть, что тенистый”, где только существительные и прилагательные являются композиционными стержнями пространственно-временных отношений [Гаспаров 1997, 27–43].

Для описания способов художественного освоения реальной действительности исследователи опираются на понятие *хронотоп* (от др.-греч. *χρόνος* – “время” и *τόπος* – “место”), подчёркивающее неразрывность пространства и времени (время как четвёртое измерение пространства) [Бахтин 1975, 234]. Характерологическим явлением поэзии XX века есть расширения денотативного пространства, что находит своё отражение в ярких экспериментах выражения категории времени и пространства.

В рассмотренных ниже примерах проанализируем эволюцию языковых средств выражения хронотопа в соответствии с динамикой социального время-пространства.

А. Блок отражает динамику социального время-пространства начала XX века при помощи локальных глаголов, усиливая её препозицией глагола-ремы. Такие локальные глаголы, получив фразовое ударение, “передают стремительное время” [Папина 2002, 41], например:

*Болотистым пустынным лугом
Летим. Одни.
Лети, как пролетала, тая,
Ночь огневая, ночь былая <...>.*

*Это не есть не это.
Остальное либо это либо не это.*

Интересна рефлексия на социальное время-пространство неподцензурной поэзии XX века, родившейся как реакция на канонизацию духа позитивистской советской поэзии. Н. Горбаневская характеризует социальное время-пространство того общества следующими строками:

*Данный мир
удивительно плосок.
Прочий
заколотчен наглухо.
<...>
Два
измерения в этом мире.
А мне
и трёх мало.
<...>
Нам хочется странного –
например, глубины.*

Характеризуя замкнутость пространства кратким прилагательным *плосок*, поэт ставит в оппозицию своего лирического героя к этой “замкнутости”, на чисто психологическом уровне предлагает читателю осознать нечто больше, чем физическое измерение пространства (*Два измерения в этом мире. / А мне и трёх мало*). Отметим как Н. Горбаневская, передавая состояние слияния, общности своего и чужого мировоззрения, во второй части стихотворения переходит от единственного числа первого лица к множественному: *Нам хочется странного – / например, глубины*. Лирическому герою и его окружению хочется гораздо большего, чем разрешают официально дозволенные формы самовыражения.

Для молодых начинающих поэтов творчество “старших” оказалось той “глубиной”, тем связующим звеном, которое позволяло восстановить утраченную культурную преемственность, вернуть поэзию в русло общемировой культурной традиции. При этом преемственность подразумевала “не плагиативное следование, а включённость в культурный универсум, предоставляла поэтам шанс <...> жить не в условиях эпохи застоя мысли” [Аверинцев 1996, 75]. Снова появляются поэтические тексты, где пространственный образ создаётся лишь с помощью существительного и прилагательного (ср. ст. А. Фета). Употребление таксисных форм и упрощение синтаксиса позволяет отразить объективную реальность того времени – рутинную жизнь современника. Применение такого приёма находим, например, в визуальной поэзии Т. Буковской:

*Потом постепенно увидишь
Два мостика сад и собор
И тоненький крест колокольни
И стройки дощатый забор
Мост Новоникольский постройки
Последних строительных лет
И гнилостный запах нестойкий*

С бульвара и медленный свет <...>

Заданное автором обстоятельство меры времени *постепенно увидишь* развивает перед читателем одни и те же “вехи” движения: *два мостика сад и собор / тоненький крест / дощатый забор*, что дробит пространство, создаёт движение в четко локализованной замкнутости. Далее: *гнилостный запах и медленный свет*, соединяясь, становятся маркерами соответствующей эпохи.

Важно подчеркнуть, что культурный диалог эпох был осмыслен многими русскими поэтами 60-х годов XX века не только как эстетическая, но и как этическая потребность времени, побуждающая человека в преходящем и временном искать вечный смысл. “Вечность и время находятся в разных плоскостях бытия, но земное время приобретает смысл и сущностное содержание лишь постольку, поскольку оно может соприкоснуться с вечностью, быть ей сопричастным” [Чичибабин 1998, 276].

Показательно, что тенденция к устранению оппозиций между разными временными планами, подчёркивание особого онтологического статуса вечного в поэтической картине мира, которая была характерна для русской поэзии 20-х годов XX века, получает распространение у поэтов-шестидесятников.

Обратимся к стихотворению Г. Сапгира “Ночь”, где традиционное соотношение временных планов нарушается посредством приёма усечения аффиксов в частях речи:

*Веч
Маш
Машинистка печ
Нач
Точ
Пр
Прошу Вас дать мне рас...*

Помимо того, усечение глагольных форм времени, может выступать как экспрессивно-характерологическое средство [Николина 2001, 53] субъективной точки зрения на время:

*С точки зренья комара
Человек не умира
(И. Бродский)*

Одновременно активизируются конструкции в основе которых используются повторы, реализующие идею “вечного”. В строках Е. Евтушенко, благодаря использованию антонимического повтора, исчезают границы между временным и вечным:

*и у меня в душе в неравной схватке
немолодость и молодость сошлись.*

Члены временной оппозиции, связанные антонимией *немолодость – молодость*, сходятся в одном центре – *душе*, не имеющем материальных, а значит, и локальных время-пространственных характеристик.

Отметим возможность сочетания нескольких типов повторов реализующих транспозицию временных планов. В строках Н. Горбаневской наблюдаем:

*Бегу, и на бегу бежима,
и движима, но недвижима <...>.*

Контрадикторная анонимия *движима – но недвижима*, размывающая пространственные границы, согласовывается с вневременностью, выраженной повтором *бегу – на бегу – бежима*, в котором усматриваются как деривационная, так и семантическая этимология. Языковая игра, характерна для этого текста, насыщает его дополнительной когнитивной информацией, позволяет осознать время четвёртой координатой пространства, а объективный мир – непрерывным континуумом.

Итак, анализ поэтических текстов периода от А. Фета к поэтам 60-х годов XX века показал, что социальное время-пространство является одним из основных архетипов освоения хронотопа в лирике. В новой поэзии, при стремлении расширения сферы охвата действительности, наблюдается отказ от традиционной повествовательной линейной техники. Замена нарративной структуры сложной системой взаимосвязи между пространством и временем, способы её языкового выражения, которые проявляются в активном использовании таксисных форм, упрощении синтаксиса, вариативности повторов, усечении аффиксов частей речи, использовании инфинитива в нетипичных ситуациях в поэтическом тексте становятся более продуктивными. Формы грамматического времени включаются в сферу поэтического эксперимента, в результате чего возникают нетрадиционные грамматические образования, возрастает контекстуальная многозначность слова, что приводит к сдвигам границ и усилению прозрачности между различными темпоральными планами. При этом русский лирический хронотоп обнаруживает тенденцию к раскрытию таких сторон и свойств, которые существуют лишь как потенции и могут реализоваться в социуме.

Литература

1. Аверинцев С. С. Поэты / С. С. Аверинцев. – М. : Языки русской культуры, 1996. – 364 с.
2. Бахтин М. М. Вопросы литературы и эстетики : исследования разных лет / М. М. Бахтин. – М. : Худож. лит., 1975. – 504 с.
3. Гаспаров М. Л. Фет безглагольный (Композиция пространства, чувства и слова) / М. Л. Гаспаров // Гаспаров М. Л. О русской поэзии : анализы, интерпретации, характеристики. – СПб. : Азбука, 2001. – С. 27–43.
4. Зубова Л. В. Поэтический эксперимент в поле темпоральности / Л. В. Зубова // Теоретические проблемы функциональной грамматики. – СПб. : Наука, 2001. – 288 с.
5. Николина Н. А. Грамматические формы времени в свете поэтического эксперимента / Н. А. Николина // Текст. Интертекст. Культура : сб. докл. междунар. научн. конф. – М., 2001. – С. 51–66.
6. Папина А. Ф. Текст : его единицы и глобальные категории : [учебник для студентов-журналистов и филологов] / А. Ф. Папина. – М. : Едиториал УРСС, 2002. – 368 с.
7. Подорога В. К. К вопросу о мерцании мира / В. К. Подорога // Логос, 1993. – № 4 – С. 140–148.
8. Соколов А. В. Общая теория социальной коммуникации / А. В. Соколов. – СПб. : Изд-во Михайлова В. А., 2002. – 461 с.

9. Чичибабин Б. А. В стихах и прозе / Б. А. Чичибабин. – Харьков : Фолио, 1998. – 464 с.

Аннотация

Исследуется отображение социального времени-пространства в русской поэзии периода от А. Фета до поэтов 60-х годов XX столетия, основываясь на понятии хронотопа. Рассматривается эволюция тенденций, трансформация форм времени и другие языковые средства отображения реалий социального времени-пространства в поэтических текстах.

Ключевые слова: социальное время-пространство, хронотоп, поэтический эксперимент, языковые средства, темпоральность.

Анотація

Досліджується відображення соціального часо-простору в російській поезії періоду від О. Фета до поетів 60-х років XX сторіччя, спираючись на поняття хронотопу. Розглядається еволюція тенденцій, трансформація форм часу та інші мовні засоби зображення реалій соціального часо-простору в поетичних текстах.

Ключові слова: соціальний часо-простір, хронотоп, поетичний експеримент, мовні засоби, темпоральність.

Summary

Social time and area representation in Russian poetry of the period from A. Fet to the 60-th years of XX century poets based on concept "chronotope" is investigated. Evolution of tendencies, transformation of tense forms and other language means of reflection social time and area realities in poetic texts is considered.

Keywords: social time and area, chronotop, poetic experiment, language means, temporariness.

УДК 81'342.9–84

Сахарчук Я.В.,

аспірант,

Чорноморський державний університет імені Петра Могили

ИНДИВИДУАЛЬНА МОВНА КАРТИНА СВІТУ КАРЛА КРАУСА В АФОРИЗМАХ І ФОНЕТИЧНЕ ЇЇ ВІДОБРАЖЕННЯ

Феномен, який називають "картина світу", з'явився з появою людини. Створення перших картин світу у людини співпадає за часом з процесом антропогенезу. Проте реалія, що названа терміном "картина світу", стала предметом науково-філософського і лінгвістичного розгляду не так давно. Це поняття знаходиться на стадії формування: існує багато спроб його визначення і розкриття значення; піднімаються питання про структурну одиницю картини світу – концепт, про його компонентний склад і засоби актуалізації.

Проблема картини світу тісно пов'язана з такими питаннями, як репрезентація її за допомогою мовних засобів (мовна картина світу), а також її національна специфіка, що пов'язана з особливостями тієї чи іншої мови. Саме цими проблемами займається спеціальна галузь лінгвістичного знання – когнітивна лінгвістика. У найзагальнішому вигляді предмет когнітивної лінгвістики можна